

И в службу, и в дружбу

Лаура Сальмон

Согласно международной академической традиции при юбилее ученого принято упоминать в первую очередь о научных достоинствах и достижениях юбиляра. Во-вторых, и как бы «кроме того», принято добавлять несколько слов о его личных качествах. Обычно речь идет о том, например, как ученый всегда старался помогать своим ученикам или молодым коллегам, как он проявлял великодушие и понимание по отношению к подчиненным. В основном упоминаются качества, которые так или иначе входят в установленные обязанности нашей профессии. Скажем так, если жизнь удалась, быть хорошим человеком — проще. Хотя даже в таком случае это не всем удается. Но бывают люди, чьи качества настолько нестандартны, что справиться парой формальных предложений никак нельзя. Это касается тех редчайших случаев, когда отзывчивость и доброта проявились с юных лет и чудотворно отражались на окружающую среду еще тогда, когда вокруг будущего ученого действовал жесткий закон университетского соперничества — «*mors tua, vita mea*». Мне посчастливилось встретить в молодости такого человека и дружить с ним. Зовут ее Мария Кристина Брагоне, но я уже сорок пять лет называю ее просто «Кри». Она в нашей среде — самая благородная «белая ворона».

Я решила воспользоваться случаем ее юбилея, чтобы оставить след моей благодарности судьбе за то, что самые значимые годы моего становления как слависта и как человека прошли рядом с ней. Это отчасти нарушает традицию юбилейных сборников, но исключительность юбиляра, я полагаю, оправдывает мой выбор.

Итак, последующее мое многословие можно было бы синтезировать одним словом — спасибо! Но я уверена, что на это слово Кристина ответила бы

только: «А за что?». Ведь не раз в прошлом я пыталась высказывать ей вкратце свою благодарность, но она как бы не понимала, не реагировала, словно все то, что она сделала для меня, отражало самое естественное и нормальное человеческое поведение. Типа: «А как иначе?»

Безусловно, никому не дано знать, что было бы с моей карьерой, если бы рядом со мной в молодости не оказалась Кристина. Не исключаю, что я бы все равно как-то справилась и стала бы славистом. Но я убеждена, что именно ее близость и поддержка внушали мне чувство терпения и доверия, позволявшее мне не сдаваться в самых сложных обстоятельствах.

Когда осенью 1978 года мы познакомились с Кристиной, нам было по девятнадцать лет. В одно прекрасное ноябрьское утро вместе с парой-тройкой молодых ребят мы оказались с ней в маленькой комнатенке на шестом этаже старинного здания филфака Генуэзского государственного университета. Фактически это был факультетский чулан, обставленный в виде микроаудитории. Именно там прошла наша первая «пара» с легендарной Тамарой, преподавательницей русского языка, благодаря которой наша жизнь наполнилась бесценной любовью к русской культуре.

С той первой встречи для нас с Кристиной начался длинный совместный путь образования и медленного продвижения в сторону нашего славистического будущего. Почти ежедневно на протяжении четырех лет мы ходили вместе на занятия по русскому и польскому языкам, на лекции русской и польской литературы, на курсы славянской филологии. Мы с ней не пропускали ни одного занятия — за исключением редчайших случаев, вроде хирургических операций, когда мы могли рассчитывать на взаимную поддержку: конспекты, осведомления и прочее.

По окончании университета наши дороги несколько лет шли параллельно. Мы обе начали работать кем придется с неизменным мечтанием стать когда-нибудь славистами. Несколько раз я переводила ужасающие тексты на русский язык для металлургического завода и предлагала Кристине часть работы. Тексты были настолько сложными и отвратительными, что мы помогали друг другу и изредка от бессилия начинали истерически хохотать. Иногда, особенно летом, мы сопровождали туристов или специалистов в СССР. Одновременно мы обе продолжали неустанно учиться, читать литературу, обсуждали прочитанные книги; встречались регулярно на славистических конференциях, ходили смотреть советские фильмы, посещали Ассоциацию Италия-СССР.

Года два спустя после нашей защиты диплома в Италии стали впервые открываться конкурсы в «докторантуру». До тех пор аспирантура не существовала в стране ни в каком виде (была всего лишь одна ученая степень, а академическая карьера определялась поэтапными «званиями» — исследователь, доцент, профессор).

Работая в библиотеке, «Кри» заодно терпеливо и методично разыскивала в номерах официальной «Госгазеты» все объявления об университетских конкурсах, которые могли нас интересовать. Мне и сейчас сложно понять, почему я сама этим делом никогда не занималась. Полагаю, что бюрократические сложности меня просто пугали, но прежде всего я знала, что все, что

следует знать о конкурсах, с совершенной точностью и в реальном времени я буду узнавать от нее. Дело в том, что в те далекие времена академическая карьера была мечтой всей подающей надежды молодежи с пристрастием, так сказать, к учебе. В любом университетском конкурсе, будь то место в аспирантуре или должность исследователя, принимало участие множество отлично подготовленных кандидатов, порой старше нас и уже успевших где-то опубликоваться. Путь представлялся труднейшим.

Я мечтала поступить в докторантуру, продолжала учиться, но в глубине души не верила, что у меня получится: это казалось мне недостижимой «сладостью». Кристина же вела себя, как будто нет никакой альтернативы, для нее учеба была не «сладостью», а «хлебом», и о самой возможности голода она вообще не думала. Я старалась заражаться ее мудрым терпением.

Вершиной наших тогдашних амбиций была аспирантура по славистике: в конце восьмидесятых подобных программ в Италии было лишь две: в Риме (самая престижная) и в Милане. Конкуренция обескураживала — на сотню воинствующих желающих стать славистами было от трех до пяти мест в год: *mors tua, vita mea*. А что делала «Кри», несмотря на это? Она всем звонила и рассказывала, когда и где будет конкурс, при этом информировала о сроках и даже вручала анкету для заявления. Ей, кажется, даже не приходило в голову, что ее успех мог зависеть от отсутствия на конкурсе других конкурентов, особенно если объявление (неслучайно) публиковалось в «Госгазете» летом, когда все отдыхали. Бывало, я ей говорила: «Кри, а почему ты так великодушно себя ведешь? Тебе невыгодно нас всех всегда обо всем предупреждать...», а она мне: «Да нет, это нормально». Я ведь знала, что это далеко не «нормально», что поведение моей приятельницы никак не совпадало с окружающей нас действительностью. Я смотрела на нее как на восточного мудреца. Впрочем, ее отзывчивость касалась не одного университета и конкурсов, она была, так сказать, системной.

«Кри» была единственным из моих друзей и родных в Италии, кто познакомился с моим ленинградским женихом до нашей свадьбы. Узнав о дате бракосочетания, я обратилась к ней, полагая, что наконец я получу от нее убедительный отказ:

«Кри! Там на свадьбе своих у меня почти не будет, мне было бы очень приятно, если бы ты согласилась быть моей свидетельницей. Не полетишь?».

Речь шла о июне 1987 года. Поездка в СССР была настоящей роскошью. Все стоило безумно дорого: рейс, гостиница и, кроме того, подарки, без которых лететь туда было немислимо. Де факто, я предлагала подруге истратить кучу денег. Кристина же очень обрадовалась и сразу совершенно расслабленно согласилась, как будто и полететь на свадьбу в Ленинград было «нормально». О сложностях — ни слова. Кстати, своей строгой элегантностью она придала моим свадебным фотографиям некий итальянский привкус.

Два года спустя, к большому моему счастью, мы с «Кри» поступили вместе в докторантуру по славистике при Римском университете «Дя Сапьенца». Было лишь три места и много кандидатов: первое место заняла Лаура Росси, второе — Кристина, третье — я. Я была на седьмом небе и на седьмом меся-

це беременности, а ровно через два месяца начинались курсы в Риме. Посещение семинаров было обязательным. Я должна была вот-вот рожать и никак не могла поехать в Рим. Дело в том, что тогда по итальянскому законодательству беременность не бралась в расчет, даже не думали, что «докторанты» могут быть женского пола. С формальной точки зрения на первом семинаре я была «неоправданно отсутствующей». А Кристина поехала и поговорила со строгим профессором: уверила его, что все запишет для меня и мне передаст. Вернувшись, она мне долго рассказывала при встрече все то, что было проанализировано и обсуждено на семинаре, и передала список библиографии. Через пару дней она стала мне приносить ксероксы из библиотеки. И это тоже ей казалось нормальным: «Я для себя делаю и заодно для тебя тоже».

Восстановившись, я начала ездить в Рим с новорожденной дочкой, которую, несмотря на сложности, я хотела кормить грудью. И тут Кристина продолжала меня «опекать». Семинар по этнографии советского профессора Е.М. Мелетинского был организован во Втором римском университете «Тор Вергата», то есть за городом. Он начался со страшной задержкой из-за позднего приезда Елеазара Моисеевича. Когда мероприятие закончилось, у меня была очень критическая ситуация — молоко текло по всей блузке, а ребенок, находившийся в центре Рима у тети, очевидно, уже проголодался. Я почти плакала от боли, стресса и бессилия: до дома на двух автобусах и на метро надо было ехать больше часа. Даже позвонить было сложно. Вдруг Кристина, указав мне на нашего профессора, идущего в сторону своей машины, сказала: «Да он живет в двух шагах от твоей тети, пусть тебя отвезет!». Почти в слезах я призналась ей, что уже попросила профессора подбросить меня домой, но он мне вежливо отказал. Видимо, он не домой собирался. Кристина тогда задумалась и сказала в недоумении: «Так нельзя!». Быстрым шагом догнала профессора, который уже открывал дверь машины. Что-то ему сказала такое, что он мне сразу махнул рукой, чтобы я поехала с ним. Через полчаса я была с ребенком.

Зачем я решила все это рассказать? Затем просто, что в университете повсюду преобладали и преобладают индивидуализм, зависть и корысть, а Кристина жила и живет по устоям собственного духа. Я этому у нее научилась и хотя бы сейчас, на склоне лет, мне тоже это кажется нормальным.

Уже давно я преподаю в том же университете, где мы с Марией Кристиной Брагоне познакомились сорок пять лет назад, где в каждом помещении на кафедре мерцают изображения нашей далекой молодости. Не раз, встречаясь с «Кри», зная, что она продолжает жить в Генуе, а преподает в Павии, я ее спрашивала: «А почему бы тебе не переехать сюда к нам?» А она каждый раз мне отвечала, что ей в университете Павии особенно комфортно. И все-таки мое желание работать вместе с ней как-то исполнилось. Уже лет восемь мы с Кристиной работаем вместе в замечательной редакции научной серии, где издается этот юбилейный сборник. Кстати, у нас в редакции о добrote, эрудиции и таланте Кристины ходят легенды, ее кличка — «фея». При оформлении этого сборника, которым в усложненной модальности «совершенно секретно» героически занималась Лаура Росси, решая бесконечные

редакционные проблемы то с Марией Бидовец, то с Клаудей Оливьери, то со мной, только и слышался наш общий подавленный крик: «Да без Кристины вообще все сложно!»»

Спасибо, «Кри», что ты есть, до ста двадцати тебе!

